

Татьяна А. Сенина (монахиня Кассия)

Санкт-Петербург

ДИАЛОГ ФЕОФИЛА И КАССИИ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЫДУМКА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?*

The family history of the Amorian house is notoriously obscure.

(C. Mango)

О том, когда и как проходил выбор невест для императора Феофила (829–842), был ли он вообще, и участвовала ли в нем будущая знаменитая песнописица инокиня Кассия, существует довольно богатая литература. В последнее время в науке утвердилось мнение, что если даже выбор невест и является историческим фактом, то Кассия в нем не участвовала, и вся история обмена репликами между нею и императором — позднейшая литературная выдумка.¹ В частности, эту версию поддерживает российский исследователь Д. Афиногенов, вновь изложив ее в своей последней монографии о событиях эпохи второго иконоборчества.² Основные аргументы автора сводятся к следующему: во-первых, Кассия не могла попасть на выбор невест, будучи, по-видимому, старшей Феофила;³ во-вторых, сам диалог Кассии и Феофила заимствован из Слова на Благовещение Пресвятой Богородицы (ВНГ 1128f), «что вну-

---

* За разного рода помощь при написании данной статьи выражаю глубокую благодарность В. М. Лурье (иеромонаху Григорию), А. Г. Дунаеву, В. А. Баранову, А. В. Муравьеву, Д. А. Носницину, К. В. Хрусталеву и А. М. Шуфрину.

¹ Этой точки зрения придерживается и автор наиболее подробной монографии о Кассии: I. Rosnow, *Studien zu der Person, den Werken und dem Nachleben der Dichterin Kassia* (Berlin, 1967) (*Berliner Byzantinische Arbeiten* 38) 5–19.

² Д. Е. Афиногенов, «Повесть о прощении императора Феофила» и Торжество Православия (М., 2004) (*Scrinium Philocalicum* IV) 55–56. Ранее тема выбора невест для Феофила рассматривалась в статьях того же автора: D. AFINOGENOV, *The Brid-Show of Theophilos: Some Notes on the Source* // *Eranos (Acta Philologica Suecana)* 95 (1997) 10–18; Д. Афиногенов, Ю. Казачков, *Легенда о Феофиле: новые разоблачения* // *Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова* 5 (2000) 5–13.

³ Этот же аргумент выдвигали И. Рохов и некоторые другие исследователи, в частности M. D. LAUXTERMANN, *The Byzantine Epigram in the Ninth and Tenth Centuries. A Generic Study of Epigrams and Some Other Forms of Poetry* (Amsterdam, 1994) 109.

шает сильные подозрения относительно историчности всего рассказа». ⁴ Кроме того, исследователь считает, что Феофил, взяв в жены Феодору, во многом руководствовался политическими соображениями; но этот аспект в рамках данной статьи я рассматривать не буду, поскольку стремление Д. Афиногенова объяснять действия византийских исторических деятелей преимущественно с точки зрения политических и «клановых» интересов, заслуживает отдельного разговора. ⁵

Был ли выбор невест?

Л. Рюдена, по мнению Д. Афиногенова, «с очевидностью доказал», что выбор невест — «литературная фикция». ⁶ Однако мне доказательства Рюдена не представляются столь уж убедительными. ⁷ Все шесть историй о выборах невест для императоров IX века, по утверждению Рюдена, выдуманы: выбор невест для Константина VI, описанный в *Житии* св. Филарета Милостивого — «чисто литературный мотив, использованный Никитой для достижения литературного эффекта»; ⁸ выбор невест для Ставракия, сына императора Никифора, о котором повествует «Хронография» Феофана Исповедника, придуман не то Феофаном, не то Георгием Синкеллом просто из желания выставить Никифора Геника в смешном виде; ⁹ выбор невест для Феофила — выдумка иконо-

⁴ Афиногенов, «Повесть о прощении императора Феофила»... 55.

⁵ Отмечу лишь, что такой подход уже подвергся некоторой критике: Протоиерей Валентин Асмус, [рец. на:] Д. Е. Афиногенов, Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847) (М., 1997) // *Богословский Вестник* 4 (2004) 497–511.

⁶ АФИНОГЕНОВ, The Bride-Show of Theophilus... 10; такого же мнения о доказательствах Л. Рюдена придерживается и М. Лаукстерманн.

⁷ В. Тредгольд, посвятивший доказательству историчности выборов невест отдельную статью (W. T. TREADGOLD, The Bride-Shows of the Byzantine Emperors // *Byz* 49 (1979) 395–413) недавно, в ответ на контраргументацию Рюдена, опубликовал новую работу, где вновь отстаивает свои взгляды: W. T. TREADGOLD, The Historicity of Imperial Bride-Shows // *JÖB* 54 (2004) 39–52. Однако, его поздняя аргументация не слишком много прибавляет к сказанному в его более ранних статьях; в числе ученых, опровергших, по его мнению, аргументы Рюдена, Тредгольд упоминает лишь двоих (р. 39, п. 3), но их доводы в дальнейшем почему-то никак не использует, а в основном повторяет в слегка модифицированной форме собственные рассуждения. Хотя Тредгольд заявляет в начале статьи, что собирается дать «более детальный ответ» на «атаку против историчности конкурсов невест», его работа довольно бедна и новыми аргументами, и ссылками.

⁸ L. RYDÉN, The Bride-shows at the Byzantine Court — History or Fiction? // *Eranos* 83 (1985) 175–191; цит. 181.

⁹ Ibid. 179–180.

почитателей, желавших унижить императора-иконоборца,¹⁰ и т. д. Но затем исследователь, встав перед вопросом, почему и откуда рассказы о выборе невест появились в византийской литературе IX века и исчезли после X века, признается: «Я не могу дать точного ответа на этот вопрос»,¹¹ — и предполагает, что сюжет вообще был свойственен «анонимной литературе».¹² Это, однако, совершенно не объясняет, почему именно в IX веке возникло столько «литературных сюжетов» на данную тему, и почему авторы хроник и житий непременно выдумывали истории с выборами невест от начала и до конца, а не вплетали в сюжет своего повествования реальные события.¹³ Да и в целом построения Л. Рюдена, на мой взгляд, недостаточно убедительны.¹⁴

¹⁰ RYDÉN, *The Bride-shows at the Byzantine Court...* 188.

¹¹ *Ibid.* 190.

¹² *Ibid.* 191.

¹³ Как могло быть, например, в случае выбора невест для императора Михаила III. В *Житии* св. Ирины Хрисовланты говорится, что она была одной из кандидаток, но опоздала приехать вовремя на выбор невест. Л. Рюден замечает нестыковку в датировках разных событий из жизни Ирины и делает вывод, что ее участие в выборе невест вообще является выдумкой с целью показать, что она, ко всем прочим своим добродетелям, была еще и красавицей (RYDÉN, *The Bride-shows...* 190). Это весьма вероятно, но из этого совершенно не следует, что не было самого выбора невест.

¹⁴ В статье I. SORLIN, *La plus belle ou la meilleure? Note sur les concours de beauté à Byzance et dans la Russie Moscovite des XVIe–XVIIe siècles // Εὐψυχία. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler (Paris, 1998) (Byzantina sorbonensia 16) Т. II. 635–650*, заново рассматривается тема выбора невест. И. Сорлэн замечает, что литературные параллели, проведенные Рюденом между историями о византийских конкурсах невест и Книгой Эсфирь или сказками про Золушку, далеко не столь очевидны, как может показаться. Кроме того, исследовательница отмечает (р. 636) параллель, имеющуюся в *Житии* св. Константина-Кирилла, просветителя славян: в возрасте 7 лет мальчик видит сон, где стратиг собирает всех девушек города и предлагает Константину избрать понравившуюся себе в супруги; Константин выбирает самую красивую по имени София, т. е. Мудрость. Б. Флоря заметил, что хотя «рассказ о чудесном сне сложился под влиянием сочинений» св. Григория Богослова, в частности, одного из его стихотворений, однако, «как указывал уже Ф. Дворник, налицо и существенные отличия между стихотворением Григория и рассказом Жития. В стихотворении отсутствует мотив выбора, да еще из среды девушек города, собранных стратигом. В *Житии* “сон” Константина как бы приспособлен к условиям жизни IX в., когда распространением явлением были так называемые “конкурсы красоты”» (Б. Н. Флоря, *Сказание о начале славянской письменности* (СПб., 2004) (Славянская библиотека) 206). Если учесть, что *Житие* св. Константина было написано между 869 и 880 гг. (см.: Там же. 17), то в нем мы имеем еще одно достаточно раннее упоминание о выборе невест; а ввиду того, что мотив выбора прибавлен к уже существовавшему действительно литературному и символическому мотиву из-

Первым по времени описания в источниках является выбор невест для Ставракия, состоявшийся, согласно «Хронографии» Феофана Исповедника, в 807 г. «Зачем устраивать выбор невест, если Феофано была уже помолвлена и, по-видимому, не очень красива?»¹⁵ — недоумевает исследователь и в то же время отмечает, что хронист, рассказывая о выборе невест, не указывает, что отец Ставракия император Никифор выдумал новый обычай. Но если, как утверждает Л. Рюдэн, хронист придумал историю с выбором невест лишь для того, чтобы выставить Никифора в смешном виде,¹⁶ то логично было бы упомянуть о том, что это было такое странное новшество, введенное «нечестивым царем». Впрочем, хронист не упоминает и о предшествовавшем выборе невест для императора Константина VI; однако, на этом основании еще не стоит отвергать его историчность. Свой анализ рассказа Феофана о женитьбе Ставракия Л. Рюдэн заключает выводом: «Несмотря на то, что он был написан современником, совсем не похоже, чтобы он был надежным».¹⁷ По сути аргументы Рюдэна сводятся к утверждению, что он не верит хронисту просто потому, что ему не верится.

Затем исследователь переходит ко второму описанному в источниках и первому по времени выбору невест — для Константина VI, — состоявшемуся в 788 г.; на этой истории я остановлюсь немного подробнее.¹⁸ Непонятно, почему Никита, введший в оборот данный сюжет, должен был непременно его выдумать, даже если он просто «решил сделать святого» из своего деда и для этого написал красивую историю.¹⁹

брания в супруги Мудрости, можно предположить, что поводом к такому дополнению послужили реальные события. Таким образом, этот эпизод из *Жития* св. Константина может рассматриваться как косвенное доказательство в пользу того, что выборы невест в IX веке в Византии действительно имели место. Обе упомянутые здесь работы В. Тредгольд в своей статье (*The Historicity of Imperial Bride-Shows...*) не учитывают.

¹⁵ RYDÉN, *The Bride-shows...* 179. Почему Феофано была не очень красива, остается неясным; вероятно, автор делает такой вывод на основании слов хрониста, что среди участвовавших в конкурсе невест были еще две девицы, красивее нее (*Theophanis Chronographia* / Ed. C. DE BOOR (Lipsiae, 1883) 483), но Феофано была выбрана за свое высокое происхождение; однако из этого еще не следует, что она была нехороша собой.

¹⁶ RYDÉN, *The Bride-shows...* 179.

¹⁷ *Ibid.* 180.

¹⁸ Свои взгляды, изложенные в упомянутой статье, Рюдэн повторяет и в комментарии к критическому изданию *Жития* св. Филарета Милостивого: *The Life of St. Philaretos the Merciful Written by his Grandson Niketas* / Critic. Ed., Intr., Transl., Notes, Indices L. RYDÉN (Uppsala, 2002) (*Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Byzantina Upsaliensia* 8); это издание мне осталось недоступным.

¹⁹ *Ibid.* 181.

По мнению Рюдена, Никита при написании *Жития* был вдохновлен Книгой Иова и агиографическими произведениями; но ничего похожего на выбор невест нет в этих источниках. Исследователь упорно пытается объяснить все рассказы о выборах невест «литературными мотивами» и, рассматривая первое по времени появление данного «мотива» в «Хронографии» Феофана, предполагает, что хронист мог почерпнуть вдохновение из описанной в хронике Иоанна Малалы истории о женитьбе императора Феодосия II; однако, непонятно, почему эта же история не могла подать мысль императрице Ирине устроить выбор невест для Константина VI, чтобы утешить его после разрыва помолвки с дочерью Карла Великого и устроить ему блестящий брак с византийской девицей вместо женитьбы на заграничной принцессе.²⁰ Кроме того, издатели *Жития* св. Филарета отмечают, что в *Annales regni Francorum* под 819 годом говорится, что Людовик Благочестивый выбрал свою жену Юдифь «*inspectis plerisque nobilium filiabus*», — и что это могло быть какой-то аналогией византийского выбора невест.²¹ Если это так, то можно предположить, что затея императрицы Ирины, имевшая одной из целей, по предположению В. Тредгольда, продемонстрировать западным владыкам, что она и без них устроит блестящую женитьбу для своего сына, в некотором роде удалась. По мнению Л. М. Ханс, «можно утверждать, что идея проведения смотрин для молодого императора Константина в 788 г. имела своей целью всеимперскую пропаганду этой свадьбы, отвечая народным понятиям о романтике».²² Если вспомнить характеристику, данную Р. Дженкинсом последнему императору-иконоборцу: «Феофил был эстетом и романтиком»,²³ — то можно сказать, что на императорский дом Византии в конце VIII – IX веке нашло «романтическое поветрие». Возможно, оно было связано со «светским» уклоном, который придали императоры-иконоборцы придворной жизни, системе образования и пр.²⁴ И. Сорлэн предполагает, что в рассматриваемую эпоху литературные сюжеты, связанные с «судом Париса», могли спровоцировать действительные изменения в придворных обычаях, связанных с заключением брака.²⁵

²⁰ Как это предполагает Тредгольд: TREADGOLD, *The Bride-Shows of the Byzantine Emperors...* 396–397.

²¹ M.-H. FOURMY, M. LEROY, *La vie de S. Philarète // Byz 9/1 (1934) 85–170*; см. 104, n. 4.

²² L. M. HANS, *Der Kaiser als Märchenprinz // JÖB 38 (1988) 33–52*; цит. 51.

²³ R. JENKINS, *Byzantium. The Imperial Centuries A.D. 610–1071 (New York, 1969) 147*.

²⁴ См., напр.: G. OSTROGORSKY, *Geschichte des byzantinischen Staates (München, 1963) 145*.

²⁵ SORLIN, *La plus belle ou la meilleure?... 641*. В связи с этим стоит заметить, что, например, св. патриарх Фотий читал в числе светских книг и такое «сладо-

Ж. Дагрон считает истории о выборе невест для императоров «по большей части достоверными»²⁶ и замечает, что «конкурсы красоты» появились в Византии как раз тогда, когда понятие «порфирородный» стало наполняться особым смыслом: выборы невест, происходившие с 788 по 882 г., «точно соответствуют периоду, когда термин [“порфирородный”] появляется и сакрализуется. Мы находимся в замкнутом мире, пронизанном ветхозаветными образцами, традиции которого постоянно воспроизводятся иконоборчеством. Здесь празднуют символический брак того, кто получил “помазание от чрева матери” с “самой прекрасной” из его подданных».²⁷ Таким образом, Дагрон напрямую связывает появление «конкурсов невест» с влиянием иконоборческого периода. Исследователь замечает, что женитьба порфирородного (в собственном смысле или в смысле символическом, как «помазанника Бо-

---

страстное» произведение, как роман Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт». И хотя Фотий в своей «Библиотеке» оценил книгу отрицательно за ее «чрезвычайную непристойность и порочность мыслей» (Кодекс 87), его современник Лев Математик написал на ту же книгу эпиграмму, толкующую роман аллегорически, в очень положительном смысле — герои античного эротического романа становятся здесь уже образцами целомудрия; см.: *Anthologia Graeca* / Ed. H. ВЕСКВУ (München, 1975) Т. 3. 124; о принадлежности этой эпиграммы Льву Математику см.: P. LEMERLE, *Le Premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle* (Paris, 1972) (*Bibliothèque Byzantine: études* 6) 169; в англ. пер.: P. LEMERLE, *Byzantine Humanism. The First Phase. Notes and remarks on education and culture in Byzantium from its origins to the 10th century* (Canberra, 1986) (*Byzantina Australiensia* 3) 195. Кассия написала по мотивам этого романа целых две эпиграммы-перифразы, где речь идет о женской красоте (см.: E. V. MALTESE, *Una contemporanea di Fozio, Cassia. Osservazione sui versi profani // La poesia tardoantica e medievale. Atti del I Convegno Internazionale di Studi. Macerata, 4–5 maggio 1998 / A cura di M. SALVADORE* (Alessandria, 2001) 71–83; см. 77–78). Очевидно, что литературные вкусы образованных монахов и светских людей той эпохи не отличались неразумным пуританством; тем более это можно сказать об императорах. Между прочим, в романе Ахилла Татия теме женской красоты отводится значительное место. Яблоко как символ избрания невесты появляется в истории с женитьбой Феофилом тоже не случайно, поскольку яблоко еще с античности было связано с определенной символической нагрузкой (в частности, было символом любви и господства над миром), и этот символизм в Византии никогда не забывался; см. специально посвященную этому вопросу работу: A. R. LITTLEWOOD, *The Symbolism of the Apple in Byzantine Literature // JÖB* 23 (1974) 33–59. То, что яблоко из всех историй о выборе невесты появляется только в повествовании о Феофиле, тоже прекрасно согласуется с «романтическим» характером и высокой образованностью этого императора.

²⁶ G. DAGRON, *Empereur et Prêtre. Étude sur le «césaropapisme» byzantin* (Paris, 1996) 67.

²⁷ G. DAGRON, *Nés dans la pourpre // TM* 12 (1994) 105–142, цит. 140.

жия») на «самой красивой» девушке является как бы зеркальной противоположностью женитьбы императора-«высочки» на особе царской крови: в последнем случае император как бы получает легитимность через свой брак, а в первом — наоборот, дает легитимность в силу своего помазания, а происхождение невесты не имеет значения. Моделью для подобного брака послужил, по мнению Дагрона, брак императора Феодосия II, которого исследователь считает наиболее чистым типом «порфиородного».²⁸

Л. Рюден утверждает, что *Житие* св. Филарета было написано в связи с женитьбой императора Михаила II на дочери Константина VI Евфросине, родственником которой был написавший *Житие* Никита. Но *Житие* датируется 821/822 годом,²⁹ а первая жена Михаила II Фекла умерла позже — ок. 824 г.³⁰ Таким образом, гипотеза Л. Рюдена оказывается несостоятельной.³¹ Но каков же действительно мог быть повод

²⁸ См.: DAGRON, Nés dans la pourpre... 137–140.

²⁹ FOURMY, LEROY, La vie de S. Philarète... 96.

³⁰ См.: Б. МЕЛИОРАНСКИЙ, Из семейной истории Аморийской династии // ВВ 8 (1901) 1–37; см. 10–11; Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ, Комментарии // Продолжатель Феофана, Жизнеописание византийских царей / Пер., статьи, комм. Я. Н. ЛЮБАРСКОГО (М., 1993) (Литературные памятники) [далее — ПФ] 277–278, прим. 71; Prosopographie der Mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867) / Ed. R.-J. LILIE, C. LUDWIG, Th. PRATSCH, I. ROSNOW (Berlin, 1998) # 7259 (p. 331). То, что Фекла вряд ли могла умереть в 821/822 г., подтверждается не только прямым сообщением Михаила Сирийца (Michel le Syrien, Chronique / Ed. J. V. СНАВОТ. Т. I–IV (Paris, 1899–1924) Т. III. 72), но и косвенными свидетельствами. Например, Продолжатель Феофана сообщает о смерти первой жены Михаила II и его новом браке уже после описания окончания войны с Фомой Славянином (ПФ II, 24; Theophanes Continuatus // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. ВЕККЕР (Bonnae, 1838) (Corpus scriptorum historiae Byzantinae) 1–481 [далее — ThCont]; см. 78:9–79:12); из контекста 74-го Слова из Малого Оглашения св. Феодор Студита («Против Михаила, нечестиво царствовавшего...») также видно, что заключение второго брака описывается как только что происшедшее событие, а «ниспровержение веры» упоминается, как уже известное, что никак не могло иметь место в 821 г., когда православные еще были преисполнены надежд на благочестие нового императора. То, что второй брак Михаила состоялся позже, чем было написано *Житие* св. Филарета, отмечает и В. Тредгольд (TREADGOLD, The Historicity of Imperial Bride-Shows... 40), однако, ни на что не ссылаясь и вскользь.

³¹ Взгляд Рюдена на рассказы о выборе невест в целом разделяет М. Винсон (M. VINSON, The Life of Theodora and the Rhetoric of the Byzantine Bride Show // JÖB 49 (1999) 31–60), уточняя лишь, что все описания выбора невест, будь то в хрониках или в житиях, — не просто литературные мотивы, но «риторические топосы, характерные для энкомия или инвективы» (p. 33, n. 10). По ее мнению, мотив выбора невест вошел в византийскую литературу с подачи Феофана

для написания *Жития* Филарета Милостивого? Согласно той хронологии, которую я считаю более правдоподобной (о чем ниже), в 821 г. состоялся выбор невест для императора Феофила.³² И вот тут можно отметить интересные параллели.

Кассия теряет корону потому, что не смолчала перед императором; Феодора, напротив, становится Августой как бы за скромность, смирение и молчание.³³ Теперь заглянем в *Житие* Филарета:

«Из других мест тоже были собраны девушки, числом десять; среди них и дочь одного богатого стратилата Геронтиана, девушка очень красивая, но заносчивая из-за своего богатства.

И вот, их повели к императору. Внука милостивца Мария просила своих товарок, говоря: “Сестры, давайте уговоримся друг с дружкой так: та из нас, которая по Божией воле станет императрицей, пусть не

Исповедника, который в своей «Хронографии» использовал рассказ о выборе невест для Ставракия, чтобы в очередной раз похулить императора Никифора Геника (р. 42–46), а прочие хронисты использовали этот сюжет вслед за ним; и ни о том, как на самом деле происходил выбор невесты для императорских сыновей, ни об избранных в итоге девушках как реальных личностях мы из подобных рассказов узнать не можем (р. 60). «Выбор невест у Логофета — не меньшая фальсификация, чем выбор невест в Житии Феодоры, и расхождения между ними могут быть объяснены разными риторическими целями этих двух сочинений» (р. 41), — утверждает исследовательница; она настолько уверена в этом, что даже не рассматривает рассказ Логофета в другой своей работе, посвященной византийским «конкурсам невест», считая, что сообщения Логофета полностью зависят от *Жития* св. Феодоры (M. VINSON, *Romance and reality in Byzantine bride shows // Gender in the Early Medieval World: East and West, 300–900* / Ed. L. BRUBAKER, J. M. H. SMITH (Cambridge, 2004) 102–120, см. 115, п. 8). Но в таком случае непонятно, каким образом попал к Логофету рассказ о Кассии (сомнительно, чтобы факт ее участия в выборе невест он взял, так сказать, с потолка); да и расхождения между двумя рассказами слишком велики, чтобы их можно было объяснить одними законами риторики, как это пытается делать Винсон (VINSON, *The Life of Theodora...* 38–41), давая диалогу между Кассией и Феофилом стандартное толкование обличения иконоборца благочестивой девицей и будущей знаменитой песнописицей. Однако ниже будет показано, что диалог на самом деле имел, скорее всего, совершенно другой смысл.

³² E. W. BROOKS, *The Marriage of the Emperor Theophilus // BZ 10* (1901) 540–545.

³³ Л. Рюдэн считает, что победа Феодоры «благодаря своему благочестию, а не красоте» «делает выбор невест бессмысленным, по крайней мере, с исторической точки зрения» (RUDÉN, *The Bride-shows...* 188–189, п. 52). Это утверждение непонятно: во-первых, известно, что Феодора тоже была очень красива (см.: Афиногенов, «Повесть о прощении императора Феофила»... 56–57); во-вторых, благочестие невесты ценилось не меньше красоты — это видно из того же *Жития* Филарета Милостивого.

оставит своей заботой остальных”. А дочь стратилата Геронтиана ответила: “Я точно знаю, что владыка выберет меня, так как я самая из вас богатая, знатная, красивая лицом и обликом; вы же — нищенки и не имеете ничего, кроме прелести лица, которой красуетесь, и потому должны оставить надежду”. Девушка, услышав эти речи, смутилась и молчала, но в уме призывала старца молиться за успех и удачу». ³⁴

Здесь сразу вспоминается *Житие* Феодоры, где история с золотым яблоком как знаком избрания, превращается в фантастическую историю с семи кандидатками и семи яблоками и с возвращением Феодорой Феофилу двух яблок вместо одного, причем Феодора рассказывает о том, как по пути в Константинополь она просила молитв у святого старца: ³⁵

«Он сказал мне: Ангел славы Божией венчает тебя царицей; прими яблоко, которое даст тебе царь, и это, которое я даю тебе; и когда глумящиеся над тобою будут жалостно забыты за дверьми, ты вручишь его царю». ³⁶

Итак, параллели очевидны: «гордая» и «злоречивая» Кассия ³⁷ не хочет смиренно перенести выпад императора против женщин, и корона в результате достается «смиренной» Феодоре, которая молчит и уповаet на молитвы св. старца, — гордячка Геронтиана, злословящая своих соперниц, проигрывает смиренной Марии, призывающей молитвы своего деда св. Филарета. ³⁸

Можно сделать предположение, что Никита действительно мог написать *Житие* Филарета, имея в виду угодить императрице — но не Евфросине, а Феодоре, проведя лестные для нее параллели, и действительно перебраться ближе ко двору, — тем более что Феодора была ро-

---

³⁴ Цитирую рус. пер. по изданию: Византийские легенды / Изд. подг. С. В. Полякова (СПб., 2004) (Литературные памятники) 107.

³⁵ Это был св. Исаия, затворник Никомидийский.

³⁶ Привожу рус. пер., сделанный Б. Мелиоранским в его статье (Из семейной истории Аморийской династии... 12–13). Исследователь, по всей видимости, верно предположил, что повесть о выборе невест в «Житии Феодоры» представляет собой «*полемический pendant* к повести о Кассии, перешедшей в хронике Логофета» (с. 12).

³⁷ Известная как автор многочисленных эпиграмм, порой довольно едких и резких.

³⁸ Эту параллель отметил и Л. Рюден, но сделал свой обычный вывод, что выбор невест является «литературным мотивом», в том числе и потому, что рассказ о Кассии был придуман, чтобы лишний раз упрекнуть Феофила в иконоборчестве (RÜDEN, *The Bride-shows...* 188); однако ниже я постараюсь показать, что тема полемики против иконоборчества во время выбора невест для Феофила вообще не могла возникнуть.

дом из Пафлагонии, как и св. Филарет,³⁹ а после того как Феодора стала женой Теофила, ее родственники заняли видные места при дворе. Это не обязательно означает, что самого выбора невест в 788 г. не было — скорее всего, он был, — но может означать, что обстоятельства, связанные с тем, как Мария стала императрицей, были описаны под впечатлением только что происшедших при дворе событий.⁴⁰

Теперь обратимся к хронологии.

821-й или 830-й?

Выбор невест и женитьба императора Теофила датируется 821-м⁴¹ или 830⁴² годом. Большинство современных исследователей принима-

³⁹ Быть может, их семьи даже знали друг друга.

⁴⁰ Тредгольд замечает, что несколько странно выглядела бы затея Никиты перебраться ближе ко двору через преподнесение Михаилу II и его новой супруге *Жития* Филарета, если бы история с выбором невест для Константина VI была бы выдумкой, — ведь если не Михаил, то Евфросина должна была точно знать реальные обстоятельства замужества собственной матери, и непонятно, как надеялся Никита заставить их поверить в свою выдумку (TREADGOLD, *The Historicity of Imperial Bride-Shows...* 40–41). Это, однако, не очень сильный аргумент, ведь можно предположить, что Никита мог надеяться на реакцию вроде: «если бы этого не было, это надо было бы выдумать». Но, как уже было показано, связь между написанием *Жития* Филарета и второй женитьбой Михаила Травла невозможна хронологически.

⁴¹ BROOKS, *The Marriage of the Emperor Theophilus...*; J. V. BURY, *A History of the Eastern Roman Empire* (London, 1912) 81, 465–467; L. BRÉNIER, *Vie et mort de Byzance* (Paris, 1948) (*L'évolution de l'humanité* 32) 105; C. MANGO, *Eudocia Ingerina, the Normans, and the Macedonian Dynasty // Сборник радова Византолошког института* 14–15 (1973) 15–27; A. DIKIGORPOULOS, *The Constantinopolitan solidi of Theophilus // DOP* 18 (1964) 353–361; JENKINS, *Byzantium...* 141; Ph. GRIERSON, A. R. BELLINGER, *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. III: Leo III to Nicephorus III, 717–1081. Pt. 1* (Washington, 1973) 406; *Prosopographie der Mittelbyzantinischen Zeit...* # 7286 (p. 344, 347, n. 1), # 8167 (p. 629, 632, n. 1). Т. А. МЕСХИ (Жизнь и творчество византийской поэтессы IX в. Кассии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук (Тбилиси, 1988) 6) датирует выбор невест 823 годом.

⁴² K. KRUMBACHER, *Kasia // Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Classe der k. b. Academie der Wissenschaften* (1887) Bd. 1. 305–370; Мелиоранский, *Из семейной истории Аморийской династии...*; Е. Э. Липшиц, *Очерки истории византийского общества и культуры VIII – первая половина IX века* (М.—Л., 1961) 309–338; ROCHOW, *Studien zu der Person...* 18; W. T. TREADGOLD, *The Problem of the Marriage of the Emperor Theophilus // Greek, Roman and Byzantine Studies* 16 (1975) 325–341; в последней своей статье о выборе невест он продолжает настаивать на этой дате: TREADGOLD, *The Historicity of Imperial Bride-Shows...* 43–44.

ют последнюю дату, основываясь на статье В. Тредгольда,⁴³ поэтому я хочу разобрать его аргументацию подробно.

Источники

В. Тредгольд настаивает, что из всех дошедших до нас хроник мы должны более всего доверять хронике Симеона Логофета,⁴⁴ а к хроникам Генесия и Продолжателя Феофана относиться очень критически, поскольку в них содержится много хронологической путаницы и фальсификаций.⁴⁵ Ссылаясь на Ж. Бюри, исследователь утверждает, что Продолжатель Феофана при составлении своей хроники использовал Генесия и какие-то из источников последнего.⁴⁶ Но П. Карлин-Хайтер⁴⁷ и Я. Любарский показали, что эта теория Бюри неприемлема: Продолжатель Феофана и Генесий писали независимо друг от друга, хотя и использовали некий общий источник, из которого каждый автор брал свое, «причем отнюдь не обязательно то же самое, что и его коллега», при этом Продолжатель и его источник «гораздо ближе к истине, нежели Генесий».⁴⁸

⁴³ Методы исследовательской работы Тредгольда общеизвестны (см., напр., совершенно убийственный разбор одной из его последних монографий: W. BRANDES, [рец. на:] W. Treadgold, *A History of the Byzantine State and Society* (Stanford, 1997) // *BZ* 95/2 (2002) 716–725; Брандес говорит о «шокирующем» количестве ошибок и неточностей в монографии, малую толику которых он разбирает в рецензии, — и это помимо критики научного метода Тредгольда в целом, — и даже прямо предостерегает читателей от использования рецензируемой книги); однако его статья, посвященная выбору невест, почему-то вызвала практически всеобщее доверие среди ученых.

⁴⁴ Этому вопросу он посвятил и отдельную статью: W. T. TREADGOLD, *The Chronological accuracy of the Chronicle of Symeon the Logothet for the years 813–845* // *DOP* 33 (1979) 157–197, где развил и продолжил соображения, изложенные первоначально в статье о выборе невест для Феофила. Однако, например, К. Мэнго замечает, что если хроника семьи Логофета действительно точна в хронологии для периода царствований Василия I и Льва VI (доказательству чего Р. Дженкинс посвятил отдельную статью: R. J. H. JENKINS, *The Chronological accuracy of the «Logothete» for the Years A. D. 867–913* // *DOP* 19 (1965) 91–112), то для периода до Василия I она точна далеко не всегда (С. Мэнго, *When was Michael III born?* // *DOP* 21 (1967) 253–258; см. 256–257). П. Карлин-Хайтер также отмечает, что Продолжатель Феофана и Генесий более правдивы, нежели Логофет (P. KARLIN-HAYTER, *Études sur les deux histoires du règne de Michel III* // *Byz* 41 (1971) 452–496; см. 469).

⁴⁵ TREADGOLD, *The Chronological accuracy...* 160.

⁴⁶ TREADGOLD, *The Problem of the Marriage...* 326.

⁴⁷ KARLIN-HAYTER, *Études sur les deux histoires...*

⁴⁸ Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ, *Сочинение Продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописание?* // *Продолжатель Феофана, Жизнеописания византийских царей...* 201–265; цит. 227, 230.

Кроме того, Ф. Баришич показал,⁴⁹ что при написании книги о Михаиле II Генесий и Продолжатель пользовались как основным источником не дошедшей до нас «Историей» Сергия Исповедника, о которой упоминает св. патриарх Фотий в своей «Библиотеке» (кодекс 67).⁵⁰ Это

⁴⁹ F. BARIŠIĆ, Les sources de Génésios et du Continuateur de Théophane pour l'histoire de Michel II (820–829) // *BZ* 31/2 (1961) 257–271.

⁵⁰ Д. Афиногенов отказывается принять версию Баришича, что «божественных мужей», на чьи памфлеты против Михаила II опирался Продолжатель Феофана, можно идентифицировать с Сергием Исповедником, однако его аргументация мне не кажется убедительной. Ее разбор в рамках данной статьи увел бы нас далеко в сторону от темы, поэтому ограничусь лишь несколькими замечаниями. Вызывает удивление утверждение, что источник Продолжателя не был «ультра-иконофильским», поскольку «иконоборчество действительно упомянуто в соответствующем пассаже, но император — нет. Напротив, там, где обличается нечестие Михаила, иконы не упомянуты» (Афиногенов, «Повесть о прощении императора Феофила»... 31, прим. 65). Вот что говорит Продолжатель (*ПФ* II, 8; *ThCont* 47:16–48:11, 48:19–49:4; цитирую перевод Я. Н. Любарского, курсив мой): «Уже когда взял Михаил в свои руки самодержавную власть и распорядился ею по воле своей, направил ему письмо блаженный Никифор, прося возродить веру и восстановить почитание божественных икон. И ответил ему Михаил: “Не вводить новшества в догматы веры пришел я и не разрушать и уничтожать завещанное и установленное. Пусть каждый поступает по своей воле и желанию и да не познает горя и не вкусит страдания”. Но не соблюл своего решения до конца тот, кто и с самого начала не был истинным христианином. Чем дольше владел он царской властью, тем с большей жестокостью и природной злобой раздувал Михаил пламя войны против христиан и соплеменников и то в презрении к монахам подвергал их всевозможным ужасам и все время выискивал для них новые наказания, то заключал в тюрьмы и отправлял в ссылку прочих преданных вере. Потому-то и изгнал он из города Мефодия, вскоре потом занявшего патриарший престол, а также Евфимия — в то время Сардского митрополита, так как оба отказались подчиняться его воле и не отрешились от почитания икон. (...) Живописцы воспроизводят прекраснейших из живых существ, а этот за прообраз и образец взял для себя жизнь Копронима, которой и старался из всех сил подражать. Он дошел до вершин нечестия: приказал поститься в субботу и отточил свой язык против божьих пророков, не верил в грядущее воскресение (...)». Во-первых, непонятно, где тут основание для утверждения, что «“божественные мужи” Продолжателя ничего об иконах не говорят» (Афиногенов, «Повесть о прощении императора Феофила»... 31). Во-вторых, очевидно, что хронист (и его источник) обличает Михаила не только за иконоборчество, но и за многие другие «нечестивые деяния»; и понятно, что этих «деяний» оказывается гораздо больше, чем выступлений против икон, — ведь Михаил никогда и не был ожесточенным иконоборцем. Вряд ли Сергей Исповедник при всем желании мог найти много свидетельств иконоборчества Михаила, кроме того, что он отказался восстановить иконопочитание и заключил в темницу св. Мефодия; поэтому вполне объяснимо появление во обличение Михаила разных других его «деяний». Афиногенов ссылается на «убедительную аргументацию» Х. Кёпштейн

очень важный факт, поскольку Сергей Исповедник был современником Михаила Травла и описал, по словам Фотия, историю его царствования довольно подробно. Между тем, оба хрониста, независимо друг от друга, повествуют о том, что Феофил вместе с отцом защищал Константинополь во время осады его Фомой Славянином зимой 821/822 гг., — а значит, этот факт имеет все шансы быть реальным, а не выдуманным, и кроме того, взятым из современных событиям источника.⁵¹ В. Тред-

(имеется в виду статья: Н. KÖPSTEIN, Zur Erhebung des Thomas // Studien zum 8. und 9. Jahrhundert in Byzanz / Hrsg. Н. Köpstein, F. Winkelmann (Berlin, 1983) (Berliner Byzantinische Arbeiten, 51) 61–87; см.: 64, n. 24), но ее выводы на самом деле весьма осторожны: исследовательница всего лишь отказывается считать версию Баришича об авторстве Сергия Исповедника окончательной, замечая, что хроника «доходит только до восьмого года правления Михаила, так что она могла быть завершена еще во время его правления и в этом случае не могла бы быть подчеркнута негативной». Однако есть предположение, что Сергей Исповедник начал писать свою хронику уже после смерти Михаила Травла (что было бы наиболее естественно), но не успел ее довести до конца, т. к. был отправлен в ссылку императором Феофилом около 833 г. — может быть, вследствие того, что обнаружил какие-то отрывки из своего труда (С. MANGO, The Liquidation of Iconoclasm and the Patriarch Photios // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. University of Birmingham. March 1975 / Ed. A. Bryer, J. Herrin (Birmingham, 1977) 133–140; см. 139). Еще один аргумент Д. Афиногенова состоит в том, что патриарх Фотий называет «Историю» Сергия Исповедника «Обличительным словом против иконоборцев» («Повесть о прощении императора Феофила»... 42). Однако Кёпштейн в конце того самого прим. 24 (на которое Афиногенов ссылается на той же с. 42!) пишет: «Надо обратить внимание, что напечатанный еще у Миня (PG 103, 164B) заголовок Σεργίου τοῦ Ὁμολογητικοῦ στήλιεϋτιδὸν τῶν εἰκονομάχων представляет собой заметку на полях, датируемую 15-м веком, и, таким образом, не имеющую критической важности», сам же Фотий говорит только, что «была прочитана [книга] Сергия Исповедника», — но Афиногенов об этом умалчивает, цитируя Фотия именно по PG, хотя с того времени уже вышло критическое издание, в котором упомянутого заголовка не содержится (PHOTIUS, Bibliothèque / Ed. R. HENRY. 8 vols (Paris, 1:1959; 2:1960; 3:1962; 4:1965; 5:1967; 6:1971; 7:1974; 8:1977) см.: Vol. 1. 99). И уж совсем странно выглядит утверждение Афиногенова («Повесть о прощении императора Феофила»... 41–42), что наименование «божественные мужи» может быть приложено к Сергию Исповеднику лишь «с натяжкой», поскольку он «не был ни священником, ни монахом». То, что Сергей был исповедником и пострадал за православие, — вполне достаточный повод для такого наименования, поскольку «божественные мужи» это не только «принадлежащие к духовному сословию», а вообще святые, которые могут и не иметь никакого сана.

⁵¹ Хотя «История» Сергия Исповедника представляла собой памфлет на императора Михаила, она в то же время содержала множество реальных фактов и подробностей; а такие факты как участие Феофила в сражениях и в крестном ходе с ризой Богоматери по стенам осажденного Константинополя никак не могут быть частью заведомых памфлетных выдумок.

гольд отбрасывает его как недостоверный, аргументируя это тем, что рассказ был взят из некоего «анонимного, короткого и искаженного описания осады», чтобы приписать Феофилу военные подвиги, «которых ему заметно не доставало». ⁵² Это утверждение по сути бездоказательно, ⁵³ но объяснимо: ведь один только факт участия Феофила в военной кампании 822 года совершенно разрушает всю хронологию, выстроенную Тредгольдом.

Рождение Феофила

Феофил был сыном Михаила II Травла от его первой жены Феклы. Дж. Херрин замечает, что окончательный вывод относительно даты рождения Феофила зависит от примерной даты свадьбы Михаила и Феклы, но, по мнению исследовательницы, эту дату невозможно ясно установить. ⁵⁴ Однако мне это не представляется совершенно невозможным. Если принять за дату рождения Феофила (скорее всего, первенца Михаила) 812/813 г., то Михаил мог вступить в брак около 811 г. В то же время известно, что Михаил начал службу в армии еще до 803 г., «когда возмужал», ⁵⁵ т. е., вероятно, достиг возраста 18–20 лет. В таком случае не очень понятно, почему он так поздно женился; если же верить сообщениям хронистов, женился он существенно раньше. Правдивой или нет является история о женитьбе Михаила Травла на дочери стратига, ее наличие в хрониках говорит о том, что женитьба Михаила, скорее всего, имела место до мятежа Вардана Турка и, возможно, если верить Продолжателю Феофана, даже до того, как Вардан был назначен моностратигом восточных фем, ⁵⁶ — и уж по крайней мере не позже июля

⁵² TREADGOLD, *The Problem of the Marriage...* 336.

⁵³ Странно выглядит уже то, что Тредгольд отвергает факт участия Феофила в военных действиях, но принимает, например, факт его участия в крестном ходе (*Ibid.* 337), хотя чем можно доказать, что этот последний тоже не взят из «искаженного описания осады», непонятно.

⁵⁴ J. HERRIN, *Women in Purple. Rulers of Medieval Byzantium* (London, 2001) 282, п. 87.

⁵⁵ Или «был в расцвете сил» (*ПФ II, 5; ThCont 44:11*).

⁵⁶ Продолжатель (*ПФ II, 7; ThCont 46:8–10*) говорит, что пророчество монаха-афинянина, в результате которого Михаил женился на дочери своего стратига, имело место раньше пророчества филомилиийского отшельника Вардану Турку. Д. Афиногенов показал, что тесть Михаила и Вардан — не одно и то же лицо (Афиногенов, «Повесть о прощении императора Феофила»... 16–19); в то же время у Продолжателя сказано, что Михаил и Фома ко времени назначения Вардана командовать восточными фемами «только что стали известны воинским начальникам» (*ПФ I, 1; ThCont 7:4–5*). Можно предположить, что стратиг, на чьей дочери женился Михаил, был стратигом фемы Анатолик до появления там Вардана.

803 г. Таким образом, Феофил мог родиться в 804/805 г., а значит, в 821 г. ему было около 16–17 лет — как раз подходящий возраст для женитьбы. Поскольку после провала мятежа Вардана Михаил стал комискортом в феме Анатолик,⁵⁷ то Феофил действительно, видимо, родился в Амории; там же его крестили, и крестным отцом его стал Лев Армянин, с которым, как до его ссылки при императоре Никифоре, так и после его возвращения ко двору при Михаиле I, Михаил Травл состоял в дружеских отношениях.⁵⁸

Коронация

Анализируя описание коронации и свадьбы Феофила в хрониках семьи Логофета, В. Тредгольд замечает, что те описания, где упоминается совершение коронации и брака в один и тот же день, не согласуются с протоколом «Книги церемоний», и что вряд ли подобная путаница⁵⁹ могла иметь место при дворе Михаила II, — а потому свадьба на самом деле не совершалась в 821 г. вместе с коронацией.⁶⁰ Такой аргумент выглядит неубедительно: хроника это не церемониальный протокол, и странно было бы требовать от нее строгой точности выражений. Кроме того, выражение ὑλὸ (или διὰ) πατριάρχου довольно употребительно при описании коронации соправителя: например, Феофан Исповедник, описывая коронацию Ставракия, говорит, что Никифор венчал сына на царство «с помощью Тарасия, святейшего патриарха»;⁶¹ а при описании коронации Феофилакта Михаилом Рангаве, употребляет как раз выражение ὑλὸ πατριάρχου: «венчал Феофилакта, сына своего, через посред-

⁵⁷ См.: Афиногенов, «Повесть о прощении императора Феофила»... 18.

⁵⁸ В. Тредгольд утверждает, что до начала царствования Льва этого не могло быть, поскольку «Михаил и Лев, как кажется, не были в хороших отношениях в то время», поскольку Михаил даже грозился убить Льва, если тот не примет провозглашения императором в 813 г. (TREADGOLD, *The Problem of the Marriage*... 337). Однако, как показал Д. Афиногенов, как раз этот эпизод свидетельствует о том, что в то время Михаил уже «считался одним из самых доверенных и преданных людей при будущем императоре» (что согласуется и с сообщением Продолжателя Феофана I, 4; *ThCont* 12:10–14), и отношения их «были безоблачными» (Афиногенов, «Повесть о прощении императора Феофила»... 23–24).

⁵⁹ Например, что Феофил был коронован патриархом (ὑλὸ Ἀντωνίου πατριάρχου), в то время как он, в качестве соправителя, должен был быть коронован императором Михаилом II лишь в присутствии патриарха; что слово στέφος обозначает венец брачный, а не царский; или что венчание соимператора должно было проходить в Святой Софии, а не в храме Св. Стефана.

⁶⁰ См.: TREADGOLD, *The Problem of the Marriage*... 328–329.

⁶¹ ἔστεψε Νικηφόρος τὸν υἱὸν αὐτοῦ Σταυράκιον διὰ Ταρασίου, τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου, ἐν τῷ ἄμβωνι τῆς μεγάλης ἐκκλησίας εἰς βασιλέα (*Theophanis Chronographia* / Ed. C. de Boor (Lipsiae, 1883) 480:11–13).

ство Никифора патриарха». ⁶² Поэтому выражение Логофета στεφθεῖς ὑπὸ Ἁγτωνίου πατριάρχου не позволяет делать таких далеко идущих выводов, какие содержатся в статье Тредгольда. Вообще, если говорить о «путанице», то уже сама фраза Логофета содержит ее: Феофил «венчает Феодору в евктирии Св. Стефана, венчавшись ⁶³ и сам с ней Антонием патриархом». ⁶⁴ Но, согласно протоколу «Книги церемоний», венчание Августы совершается не в храме Св. Стефана, а в Августее; Тредгольд замечает это, но не придает никакого значения, замечая лишь, что «точнее, коронация императрицы проводилась как раз снаружи храма Св. Стефана», ⁶⁵ — почему-то не видя здесь никакой «путаницы».

Жемчужный триклин

Далее В. Тредгольд выдвигает в качестве аргумента то, что Жемчужный триклин, в котором, согласно Логофету, проходил выбор невест, еще не был построен в 821 г., т. к. его построил сам Феофил — как предполагает исследователь, специально для выбора невест. ⁶⁶ Однако мы не знаем, когда именно был построен триклин; в хрониках семьи Логофета строительство, предпринятое Феофилом, описывается ближе к концу его царствования; если же судить по описанию построек Феофила у Продолжателя Феофана, то вряд ли можно сказать, что Феофил принялся за строительство сразу же после воцарения. Упоминание о Жемчужном триклине в связи с выбором невест для Феофила может являться, например, анахронизмом — возможно, в этом триклине проходил выбор невест для Михаила III; в любом случае, здесь мы не выходим из области предположений и догадок.

«Регентство» Евфросины

Одним из аргументов в пользу малолетства Феофила во время царствования его отца В. Тредгольд считает сообщение Логофета о том, что после смерти Михаила II Феофил воцарился вместе «с матерью своею Евфросиною». ⁶⁷ Тредгольд считает, что Евфросина была назначена регентшей при юном Феофиле и удалилась в монастырь не по принужде-

⁶² Μιχαὴλ ὁ γαληνότατος ἔστεψε Θεοφύλακτον, τὸν υἱὸν αὐτοῦ, εἰς βασιλέα ὑπὸ Νικηφόρου πατριάρχου ἐν τῷ ἄμβωνι τῆς μεγάλης ἐκκλησίας (Theophanis Chronographia... 494:26–28).

⁶³ στεφθεῖς — аористное причастие; т. е. он обвенчался с ней до того, как венчал ее царицей.

⁶⁴ Leonis Grammatici chronographia / Ed. I. ВЕККЕР (Bonnae, 1842) (CSHByz) (далее — *LeoGram*) 213:19–21.

⁶⁵ TREADGOLD, The Problem of the Marriage... 328, n. 17.

⁶⁶ Ibid. 329.

⁶⁷ *LeoGram* 213:6.

нию пасынка, а добровольно, после того как он уже женился, — ссылаясь при этом и на замечание Ж. Бьюри, что Феофил, несмотря на свой «энергичный характер», не проявлялся никакой активности во время своего соцарствования с отцом и не оказывал влияния на его политику.⁶⁸ Однако мы не имеем данных для подобных утверждений. Хронисты, описывая царствование того или иного императора, обычно делают упор именно на деяния главного героя повествования, а сыновья остаются в тени до времени их единоличного воцарения.⁶⁹ Но Феофил как раз не остался в тени полностью: Продолжатель Феофана и Генесий упоминают о его деятельности во время восстания Фомы. Кроме того, по косвенным данным можно предположить, что Феофил был помощником отца: сохранилось, например, послание Михаила II к Людовика Благочестивому; но известно также, что Михаил был человеком не очень грамотным,⁷⁰ — и, скорее всего, сын и соправитель во многом помогал ему в государственных делах.

Непонятно, на каком основании Тредгольд заключает, будто именно Евфросина основала Гастрийский монастырь и учила своих внучек, дочерей Феофила, почитать иконы.⁷¹ Из «Книги церемоний» очевидно, что Гастрия была фамильной усыпальницей императрицы Феодоры — там была похоронена ее мать Феоктиста, она сама и трое ее дочерей, а также ее братья Варда и Петрона и ее племянница.⁷² Евфросина же была похоронена совсем в другом монастыре, в собственной фамильной усыпальнице, вместе со своими родителями Константином VI и Марией Амнийской и с сестрой Ириной,⁷³ поэтому и здесь, безусловно, прав не Логофет, а Продолжатель Феофана, который говорит о том, что Феофил изгнал Евфросину обратно в тот монастырь, где она некогда постриглась,⁷⁴ и что не она, а мать Феодоры Феоктиста учила своих внучек почитать иконы, когда они навещали ее в Гастрии.⁷⁵ В свете этого пред-

⁶⁸ BURY, A History of the Eastern Roman Empire... 120; TREADGOLD, The Problem of the Marriage... 336, 339.

⁶⁹ Например, это можно видеть в описании царствований Льва Исавра и Никифора Геника в «Хронографии» Феофана: несмотря на то, что и Константин V, и Ставракий достигли взрослого возраста во время царствования их отцов (и Константин, несомненно, был не менее энергичен по характеру, нежели Феофил), практически никаких их деяний, кроме женитьбы, до начала их единоличного царствования хронист не упоминает.

⁷⁰ См.: ПФ II, 8; *ThCont* 49:12–15.

⁷¹ TREADGOLD, The Problem of the Marriage... 339.

⁷² Constantini Porphyrogeniti imperatoris, De ceremoniis aulae Byzantinae libri duo / Rec. I. I. REISKE (Bonnae, I:1829, II:1830) (далее — *De cer*) Vol. I. 647–648.

⁷³ *De cer* I. 647.

⁷⁴ ПФ III, 1; *ThCont* 86:8–12.

⁷⁵ ПФ III, 5; *ThCont* 90:2–91:10.

ставляется, что сведения Продолжателя более точны, и никакого регентства Евфросины на самом деле не было, поскольку Феофил в 829 г. «был уже взрослым мужем».⁷⁶

Феофил на монетах Михаила II

Казалось бы, более серьезным аргументом является проделанный В. Тредгольдом анализ монет Михаила II и Феофила. Но и тут на поверку все оказывается не совсем так, как представляется исследователю. Тредгольд признает, что монетные изображения достаточно условны,⁷⁷ но, тем не менее, решается реконструировать по ним предполагаемый возраст Феофила во время царствования Михаила Травла. Дети на монетах, как замечает Тредгольд, изображаются чуть меньше размером, с большими глазами и более круглолицыми, чем взрослые, подростки безборо-

⁷⁶ ПФ III, 1; *ThCont* 84:17. В. Тредгольд сам себе противоречит: то он утверждает, что Феофил в начале своего единоличного правления был «весьма юн», так что ему требовалась помощь мачехи (TREADGOLD, *The Problem of the Marriage...* 336), то — через несколько строк — говорит, что Феофил был в это время уже «взрослым» и, как показывают монеты, с бородой (*Ibid.* 337). Дж. Херрин с недоверием относится к свидетельству Продолжателя Феофана взрослости Феофила при вступлении на престол, замечая, что одни из византийских хронистов (как Лев Грамматик) упоминают о регенстве Евфросины при юном Феофиле, другие (Генесий) просто говорят, что Феофил стал править после смерти отца; и «только Продолжатель Феофана утверждает, что Феофил был уже взрослым мужчиной и наследовал своему отцу. Но этот источник ... наиболее агрессивно настроен против императоров-иконоборцев девятого века и, может быть, хотел приписать все ошибки одному Феофилу» (HERRIN, *Women in Purple...* 169). Логика этого утверждения не очень понятна и совершенно не согласуется с текстом Продолжателя. Хронист, говоря о разных недостатках Михаила II, никак не упоминает его сына; и напротив, в книге о Феофиле, наряду с отрицательными моментами правления этого императора (в основном иконоборчеством) описываются многочисленные положительные качества Феофила, так что местами речь Продолжателя звучит, скорее, как панегирик, нежели как обличение «нечестивого императора»: «он стремился к правосудию и всем дурным людям был страшен, а благим — удивителен» (ПФ III, 2; *ThCont* 86:19–21); ревностно почитал Богоматерь, был доступен для народа (ПФ III, 3, *ThCont* 87:9–10,13), проявлял заботу о строительстве и благоуукрашении столицы (ПФ III, 8, 42–44; *ThCont* 94:19–95:7, 139:19–148:3) и «во всех подобных делах являл себя Феофил и почитался великолепным и удивительным» (ПФ III, 10; *ThCont* 99:4–5; подобных эпитетов у Продолжателя Феофана не сподобился даже Василий Македонянин!). Между прочим, датировка выбора невест 821 годом разрушает и один из аргументов Л. Рюдена — что на самом деле невесту для Феофила выбрала его мачеха Евфросина (RUDÉN, *The Bride-shows...* 187–188), а не сам император, и что, таким образом, никакого выбора невест и истории с Кассией не было.

⁷⁷ TREADGOLD, *The Problem of the Marriage...* 336.

ды, а взрослые мужчины имеют бороду; по мнению Тредгольда, Феофил на небольшом числе монет изображен ребенком, на большинстве монет — подростком.⁷⁸ Но если мы обратимся к каталогу Ф. Грирсона, то нигде не найдем маленького и круглолицего Феофила: соправитель Михаила II везде изображается с более-менее продолговатым лицом, примерно с такими же глазами и такого же роста, как и его отец.⁷⁹ Немного более юным Феофил выглядит на небольшом количестве монет, где он изображен отдельно на реверсе, но из этого нельзя сделать вывод о том, что в 821 г. он был ребенком 8 лет, как утверждает Тредгольд. Мне кажется, что можно ближе подойти к истине, если сравнить монеты Михаила II с монетами других императоров, имевших сыновей-соправителей.

Сравнив монеты Михаила II с соправителем Феофилом и монеты Льва III с соправителем Константином, мы увидим разительный контраст. На монетах Льва Исавра, которые Ф. Грирсон датирует 725–732 гг., т. е. временем, когда будущему Константину V было 7–12 лет, мы видим на реверсе действительно мальчика — очень круглолицего, среднего роста;⁸⁰ лицо у Константина становится продолговатым только на монетах, датируемых 737–741 гг., т. е. временем, когда соправителю Льва III было уже 19 и более лет; лишь на последних монетах, очевидно, на тех, где Константину уже за 20, у него появляется борода и он изображается совершенно похожим на отца. Точно так же усы и борода у Феофила появляются на монетах самого конца царствования Михаила II,⁸¹ где Феофил уже, очевидно, совершенно взрослый муж, во всем подобный отцу; очень сомнительно, однако, чтобы он мог выглядеть так уже в 16 лет.

Если мы продолжим сравнивать монеты разных императоров, то увидим, что на тех монетах, где Феофил, по мнению Тредгольда, изображен ребенком, он во всем подобен по виду Ставракию, сыну Никифора Геника,⁸² и Феофилакт, сыну Михаила Рангаве.⁸³ Между тем, мы знаем, что Ставракий во время соправительства со своим отцом уже не был ребенком — в 807 г. он женился; а Феофилакт, коронованным отцом 25 декабря 811 г. было не меньше 18 лет — когда он в 813 г. постригся в монахи вместе со сверженным с престола отцом, ему, согласно Продолжателю Феофана, было 20 лет.⁸⁴

⁷⁸ TREADGOLD, *The Problem of the Marriage...* 336–337.

⁷⁹ Это хорошо видно на всех монетах, но особенно на тех, где оба императора изображены вместе на аверсе; см.: GRIERSON, BELLINGER, *Catalogue of the Byzantine Coins...* Part 1. Plates XX–XXI.

⁸⁰ См.: *Ibid.* Plate I (5.2–5.6, 5.9–5.10).

⁸¹ См.: *Ibid.* Plate XXI (11).

⁸² Ставракий на реверсе см.: *Ibid.* Plate XVI (2b.1, 2b.3, 2c.1, 2c.4, 2c.7).

⁸³ Феофилакт на реверсе см.: *Ibid.* Plate XVII (1a.1, 1a.4, 1b).

⁸⁴ *ПФ* I, 10; *ThCont* 20:2–4. Продолжатель называет Феофилакта Евстрати-ем; это было имя, принятое им в монашестве, о чем говорится в Житии патри-

Таким образом, и на основании сравнительного анализа монетных изображений, несмотря на их понятную условность, логичнее было бы предположить, что Феофилу в 821 г. было около 16 лет, а к концу царствования Михаила II он был вполне взрослым мужчиной 24 лет, когда у него действительно уже могли быть такие же усы и борода, как у отца.

Дочь Феофила Мария и ее брак с Алексеем Муселе

Согласно каталогу Ф. Грирсона, монеты Феофила делятся на пять типов:⁸⁵ I — Феофил один на аверсе, крест или надпись на реверсе (датировка по Грирсону — 829–830/831 гг.); II — Феофил на аверсе, его сын Константин на реверсе (830 или 831 г.); III — Феофил на аверсе, Михаил II и Константин на реверсе (830/831–840 гг.); IV — Феофил, Феодора и Фекла на аверсе, Анна и Анастасия на реверсе (конец 830-х гг.); V — Феофил на аверсе, Михаил III на реверсе (840–842 гг.). В. Тредгольд предлагает типа IV поставить после типа I, предполагая, что дети Феофила рождались в следующем порядке: Фекла (831), Анна (832), Анастасия (833), Константин (834), Мария (835), Пульхерия (836), Михаил (840).⁸⁶

Наибольшую сложность для хронологии Тредгольда представляет дата рождения Марии и ее замужество при жизни отца. Исследователь пытается совместить сообщения Логофета и других хронистов о том, что Мария была младшей дочерью, с ее замужеством в царствование Феофила и делает предположение, что она была не обвенчана, а только обручена,⁸⁷ причем в возрасте 1 года.⁸⁸ Пытаясь обосновать это утверждение, Тредгольд приводит в пример историю женитьбы дочери императора Мануила I Марии, обрученной с женихом в возрасте 11 лет, поскольку Мануил не имел ни наследника мужского пола, ни совершеннолетних дочерей. Но эта параллель на самом деле ничего не объясняет: с одной стороны, 11 лет это все же не 1 год, а с другой стороны, у Феофила, помимо Марии, было еще несколько дочерей, старшей из которых в 836 г., согласно Тредгольду, было около 6 лет. Все гораздо проще, если Мария была старшей дочерью Феофила и родилась около 822 г.: в 836 г.

арха Игнатия (*PG* 105. Col. 492B). Тредгольд упоминает о том, что старшему сыну Михаила II в 813 г. было 20 лет, но при этом почему-то утверждает, что сыновья Михаила Рангаве и Льва Армянина не успели жениться в царствование своих отцов, «вероятно вследствие их юности» (*TREADGOLD, The Bride-Show... 402*), хотя большинство императорских сыновей вступало в брак гораздо раньше 20 лет.

⁸⁵ См.: GRIERSON, BELLINGER, *Catalogue of the Byzantine Coins... Part 1*. 411–451.

⁸⁶ TREADGOLD, *The Problem of the Marriage...* 333, 340–341.

⁸⁷ *Ibid.* 330–331.

⁸⁸ *Ibid.* 341. Тредгольд датирует обручение Марии 836 годом.

она была как раз в брачном возрасте, дальнейшие же события — возведение ее мужа Алексея Муселе в достоинство кесаря, его участие в триумфальном въезде в Константинополь в 837 г. и смерть Марии ок. 838/839 г. — вполне укладываются в эту хронологию.⁸⁹

Тредгольд находит еще один аргумент в пользу своей датировки рождения Марии — тот факт, что ее гроб в «Книге церемоний» назван уменьшительным словом *λαρνάκιον*.⁹⁰ Тредгольд категорично заявляет, что это слово «используется только для обозначения могилы ребенка».⁹¹ Однако это не так. В той же «Книге церемоний» этим словом — и даже не просто *λαρνάκιον*, а *λαρνάκιον μικρόν* — названа могила Феоктисты, матери императрицы Феодоры, в Гастрийском монастыре;⁹² *λαρνάκιον μικρόν* названы и две гробницы в усыпальнице Константина в храме Святых Апостолов, причем в одной из них похоронены сразу два человека — Василий, брат Константина Порфирородного, и Варда, сын Василия Македонянина.⁹³ Отсюда очевидно, что само по себе слово *λαρνάκιον* указывает лишь на саркофаг несколько меньшего по сравнению с «обычным» размера, но совершенно ничего не говорит о росте и возрасте похороненного в нем.⁹⁴

Константин, сын Феофила

В. Тредгольд утверждает, что Константин умер уже на следующий год после рождения — в 835-м.⁹⁵ Известно, что Константин в малолет-

⁸⁹ О том, что Мария на самом деле была старшей дочерью Феофила и у хронистов названа младшей по ошибке вследствие того, что обычно любимыми являются именно младшие дети, исследователи писали уже неоднократно; см., напр.: МЕЛИОРАНСКИЙ, Из семейной истории Аморийской династии... 36; BURY, A History of the Eastern Roman Empire... 466.

⁹⁰ В. Тредгольд ссылается на предположение Ф. Грирсона о том, что сын Феофила Константин умер в младенчестве, поскольку его гроб в той же «Книге церемоний» назван *λαρνάκιον* (GRIERSON, BELLINGER, Catalogue of the Byzantine Coins... Part 1. 407; ср.: *De cer* I. 645). О том же пишет и А. Дикигорулуос, но выражается осторожно: «Константин умер молодым, но насколько молодым, мы не можем сказать» (DIKIGOROULOS, The Constantinopolitan solidi of Theophilus... 353).

⁹¹ TREADGOLD, The Chronological accuracy... 174.

⁹² *De cer* I. 648.

⁹³ *De cer* I. 643.

⁹⁴ Ф. Грирсон предполагает, что наличие нескольких саркофагов меньшего размера в усыпальнице Константина объясняется тем, что со временем там оставалось все меньше места, так что последний саркофаг (имп. Константина VIII) пришлось поставить уже не у стены, а в центр усыпальницы: Ph. GRIERSON (with an additional note by C. MANGO and I. ŠEVČENKO), The Tombs and Obits of the Byzantine Emperors (337–1042) // *DOP* 16 (1962) 1–63; см. 21–23.

⁹⁵ TREADGOLD, The Problem of the Marriage... 340.

стве утонул в цистерне;⁹⁶ на «памятных» монетах (класс III по Ф. Грирсону) он изображен как мальчик.⁹⁷ Однако то, что он мог в годовалом возрасте утонуть в цистерне за пределами дворца, представляется невероятным: как мог бы туда попасть и остаться без присмотра столь маленький ребенок, наверняка опекаемый матерью и няньками, и что он вообще мог бы там делать? Гораздо вероятнее, что Константин утонул в возрасте 6–7 или даже более лет,⁹⁸ когда он действительно во время прогулки мог стать жертвой несчастного случая. По-видимому, Константин родился еще до единоличного воцарения Феофила, после Марии, может быть, в 824 г., в 830 г. был коронован отцом как соправитель и, вероятно, вскоре после этого утонул, в 830/831 г.⁹⁹ Таким образом, как и предположил Грирсон, монеты с Феофилом на аверсе и Константином на реверсе относятся к периоду 830–831 гг., а монеты с уже покойными Михаилом II и Константином на реверсе относятся к 831–840 гг., т. е. выпускаются до самой коронации Михаила III.

«Семейная» монета

Монету, где изображены Феофил с Феодорой и тремя дочерьми, В. Тредгольд относит к 833 г., считая, что она была выпущена после рождения третьей дочери и до рождения Константина.¹⁰⁰ Но учитывая, что подобные монеты — с изображениями супруги и дочерей императора — вообще очень редки, логично предположить, что для ее выпуска была, очевидно, более существенная причина, нежели просто рождение трех дочерей. Мне представляется, что подобная монета могла быть выпущена до рождения Михаила III, но уже после смерти Константина и Марии, приблизительно в 839 г. Ситуация к этому времени была такова, что Феофил состоял в браке уже 18 лет; его единственный наследник мужского пола умер; дочь, мужа которой Феофил надеялся сделать на-

⁹⁶ См.: *ПФ* III, 4; *ThCont* 88:8.

⁹⁷ GRIERSON, BELLINGER, *Catalogue of the Byzantine Coins...* Part 1. Plate XXII, 2a, 3a–e.

⁹⁸ Это согласуется и с монетными изображениями: Константин, сын Феофила, напоминает Константина V времен его соправительства с отцом, класс 4 и 5 по каталогу Ф. Грирсона, когда Константин V был в возрасте от 3 до 7 и от 7 до 14 лет соответственно (см.: *Ibid.* Plate I, 4a–f, 5.2–5.10).

⁹⁹ Есть предположение, что Константин был коронован в 830 г. на Пятидесятницу, и его коронация была перепутана хронистами семьи Логофета с коронацией Феофила и Феодоры (DIKIGORPOULOS, *The Constantinopolitan solidi of Theophilus...* 360).

¹⁰⁰ Этой версии придерживается и Д. Афиногенов, считая, что после рождения первых трех дочерей Феофил выпустил специальную монету как свидетельство прекрасных семейных отношений императорской четы (Афиногенов, «Повесть о прощении императора Феофила»... 56).

следником, тоже умерла. Видимо, именно в это время — как бы уже «от отчаяния» — были коронованы дочери Феофила Фекла, Анна и Анастасия, и как раз по этому случаю была выпущена столь необычная монета. Правда, возникает вопрос, почему на ней нет младшей дочери — Пульхерии. Несколько сомнительно, что в 839 г. она еще не родилась, т. к. во время истории с «куклами», описанной у Продолжателя Феофана, ей было не менее двух лет от роду. С другой стороны, неизвестно точно, когда произошла эта история; ничто не мешает поместить ее и в 841 г. Но даже если Пульхерия родилась до 839 г., то ее отсутствие на монете может быть объяснено, например, тем, что она еще не была коронована, как прочие сестры.¹⁰¹ По крайней мере, дата рождения Пульхерии вряд ли может существенно изменить хронологическую картину царствования Феофила.¹⁰²

Надо заметить, что у Продолжателя Феофана мы можем найти, как будто бы, подтверждение хронологии Тредгольда, а именно — упоминание о «цвете юности» в предсмертной речи Феофила;¹⁰³ такое выражение, конечно, более подошло бы при смерти человека в возрасте 28–29, а не 37–38 лет. Но, с одной стороны, и 28 лет это не такая уж «юность», а с другой стороны, тот же Продолжатель в начале книги о Феофиле говорит, что он принял единоличную власть, будучи «взрослым мужем»; оборот же речи, вложенной хронистом в уста умирающего императора, по-видимому, можно считать риторическим преувеличением, призванным растрогать читателя.

Итак, если свести даты семейной жизни Феофила в хронологическую таблицу, то мы получим следующее:

804–805	Рождение Феофила в Амории.
821	Коронация Феофила соправителем (в возрасте 16–17 лет) и его венчание с Феодорой.

¹⁰¹ Такое объяснение, наряду с предположением, что Пульхерия к тому времени еще не родилась, предлагает Ф. Грирсон: GRIERSON, BELLINGER, *Catalogue of the Byzantine Coins...* Part 1. 407.

¹⁰² В. Тредгольд старательно объясняет «ошибку» Продолжателя Феофана, который называет младшей дочерью Феофила не Марию, а Пульхерию, — и в то же время легко отбрасывает другую «ошибку» того же Продолжателя — рассказ о том, как в 821 г. Феофил воевал вместе с отцом. Критерии, по которым Тредгольд оценивает важность тех или иных сообщений данного хрониста, совершенно непонятны; похоже, что критерий один — насколько эти сообщения подтверждают выдвинутую исследователем концепцию.

¹⁰³ *ПФ* III, 40; *ThCont* 138:8. Об этом факте как об аргументе в пользу более поздней, чем 805 г., даты рождения Феофила, упоминает Ю. Херрин: HERRIN, *Women in Purple...* 282, n. 87.

822	Рождение Марии.
824	Рождение Константина.
ок. 824	Смерть Феклы, матери Феофила, и брак Михаила II с Евфросиной.
829, 2 октября	Феофил воцаряется единолично и удаляет Евфросину в монастырь. <i>Монеты типа I по Ф. Грирсону.</i>
830, 5 июня (Пятидесятница)	Феофил коронует Константина (в возрасте ок. 6 лет) соправителем. <i>Монеты типа II.</i>
830 или 831	Константин тонет в цистерне. <i>Монеты типа III.</i>
832–833	Рождение Феклы
833–834	Рождение Анны
834–835	Рождение Анастасии ¹⁰⁴
836	Феофил выдает Марию (в возрасте 14 лет) замуж за Алексея Муселе.
839	Смерть Марии. Коронация Феклы, Анны и Анастасии. <i>Монеты типа IV.</i>
840, 9 января	Рождение Михаила III.
840, Пасха или Пятидесятница	Коронация Михаила III соправителем. <i>Монеты типа V.</i>
842, 20 января	Смерть Феофила (в возрасте 37–38 лет).

О чем Феофил спросил Кассию?

По мнению Д. Афиногенова, Симеон Логофет использовал гомилию Иоанна Златоуста на Благовещение, «чтобы создать живой эпизод, не

¹⁰⁴ Мне представляется, что Фекла и остальные дочери родились, скорее, уже после смерти Константина — и потому, что как раз после смерти Константина Феофил должен был вновь озаботиться получением наследника, и потому, что Фекла к 866 г., когда она стала любовницей Василия Македонянина, все-таки не должна была быть слишком уж великовозрастной, как это было бы, если ее рождение отнести к 825–826 гг. По всей видимости, вторая дочь Феофила была названа в честь его покойной матери; Мария же, вероятно, была названа в честь Богородицы, которую, как известно, очень почитал Феофил.

надеясь, что читатель узнает происхождение высказывания».¹⁰⁵ Такое предположение представляется не очень правдоподобным, поскольку хроники писались для образованных людей, которые читали одни и те же книги, причем количество книг было достаточно ограниченным, а такие гомилии, как упомянутое Слово Златоуста, должны были быть хорошо известны. Дело не меняет даже то, что обе реплики-цитаты предваряются у Логофета вводными словами. Образованные византийцы, способные цитировать наизусть отрывки из множества произведений, узнали бы известную цитату и в таком замаскированном виде.¹⁰⁶ Более того, для создания просто «живого эпизода» хронисту вообще не обязательно было использовать чужой текст; вряд ли Логофет был настолько лишен воображения, что не мог сочинить диалог с нужным ему смыслом. То, что хронист поместил в свое сочинение именно диалог цитат, говорит как раз о том, что он либо взял его из готового источника, либо придумал нарочно — но именно с той целью, чтобы читатель его узнал. Если же диалог цитат был в источнике, использованном Логофетом, то опять же не с целью «маскировки», а или чтобы выразить какой-то символический смысл, или потому, что диалог в таком виде имел место на самом деле.

«Важнее всего для нас то обстоятельство, — пишут Д. Афиногенов и Ю. Казачков, — что “Слово на Благовещение” входило в состав императорского менология типа В (...). Факт присутствия гомилии в менологии говорит о ее достаточной известности в X–XII вв., а может быть, и в IX в. Это значит, что необходимо рассмотреть две возможности появления цитат из “Слова” в рассказе о “конкурсе невест”. Во-первых, можно допустить, что Феофил процитировал известный ему текст, а Кассия продемонстрировала, что знает и продолжение. В этом случае ничто не мешает считать рассказ верным отражением событий. Во-вторых, автор источника, которым пользовался Симеон Логофет, мог просто выдумать обмен репликами (почерпнув материал из гомилии) с целью выдать его за чистую импровизацию, по крайней мере, со стороны

¹⁰⁵ АФИНОГЕНОВ, *The Bride-Show of Theophilus...* 11.

¹⁰⁶ Манеры византийцев даже в быту выражаться цитатами хорошо иллюстрирует хотя бы известный эпизод из «Хронографии» Михаила Пселла (VI.59), где рассказывается о том, как придворный льстец успокоил смущенные умы придворных, вынужденных следовать свитой за любовницей императора Константина IX Склиреной, процитировав всего два слова из поэмы Гомера: «осуждать невозможно...» (см.: Michel Psellos, *Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077)* / Ed. E. RENAULD. T. I–II (Paris, 1926–1928) T. I. 146; рус. пер.: Михаил Пселл, *Хронография. Краткая История* / Пер., ст. и прим. Я. Н. Любарского; пер. Д. А. Черноглазова, Д. Р. Абдрахмановой (СПб., 2003) (Византийская библиотека. Источники) 90).

Кассии. Тогда фактическая достоверность всего эпизода оказывается под сильным подозрением».¹⁰⁷

Но о достаточной известности этой гомилии в IX веке свидетельствует уже то, что отрывок из нее приводит патриарх Никифор в числе 26 свидетельств, помещенных после его «Слова в защиту непорочной, чистой и истинной нашей христианской веры и против думающих, что мы поклоняемся идолам»,¹⁰⁸ — причем эту гомилию св. Никифор приписывает Иоанну Златоусту. Таким образом, во времена второго иконоборчества в образованных кругах Византии не только знали это «Слово на Благовещение», но и атрибутировали его именно Златоусту.

*Гомилия*¹⁰⁹

...ἀπεστάλη Γαβριήλ, δεικνὺς
τὸν ἐν θρόνῳ καὶ ἐν σπηλαίῳ·
ἀπεστάλη στρατιώτης, βοῶν
τὸ τοῦ βασιλέως μυστήριον·
μυστήριον· γνωριζόμενον
πίστει, οὐκ ἐρευνώμενον
πολυπραγμοσύνη· μυστήριον
προσκυνούμενον, οὐ ζηγο-
στατούμενον· μυστήριον
θεολογούμενον, οὐκ ἐρευ-
νώμενον· μυστήριον
ὁμολογούμενον, οὐ μετρού-
μενον.

*Из 26 свидетельств,
приводимых св. Никифором*¹¹⁰

Ἀπεστάλη Γαβριήλ, δεικνὺς
τὸν ἐν θρόνῳ καὶ ἐν τῷ
σπηλαίῳ· ἀπεστάλη ὁ στρα-
τιώτης, βοῶν τὸ τοῦ βασι-
λέως μυστήριον· μυστήριον·
γνωριζόμενον πίστει, οὐκ
ἐρευνώμενον πολυπραγ-
μοσύνη· μυστήριον πιστευ-
όμενον, οὐ ζηγοστατούμενον·
μυστήριον θεολογούμενον,
οὐκ ἐρευνώμενον· μυστήριον
ὁμολογούμενον, οὐ μετρού-
μενον.

Таким образом, и Феофил, и Кассия, скорее всего, могли хорошо знать эту гомилию. Но в отношении Кассии мы имеем еще более очевидное свидетельство: в своей стихире на Благовещение Пресвятой Богородицы¹¹¹ песнописица цитирует эту же самую гомилию. Сравним:¹¹²

¹⁰⁷ Афиногенов, Казачков, Легенда о Феофиле...

¹⁰⁸ PG 100. Col. 533B–812C (Слово); 812C–832A (26 свидетельств).

¹⁰⁹ PG 50. Col. 793.

¹¹⁰ PG 100. Col. 821A; рус. пер. см.: Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского (Минск, 2001) (Православная библиотека) 299. Подчеркнуты разночтения с гомилией.

¹¹¹ Эта стихира в современных греческих и славянских минеях анонимна, но во многих рукописях встречается под именем Кассии, так что ее авторство весьма вероятно (см.: Rosnow, Studien zu der Person... 52). С учетом же параллелей с Гомилией Златоуста и диалогом с Феофилом, эта вероятность еще повышается.

¹¹² Параллельные места подчеркнуты.

*Στιχιρα Κασσιου*¹¹³

Ἄπεστάλη ἄγγελος Γαβριήλ,
ἦλ, / οὐρανόθεν ἐκ Θεοῦ, /
πρὸς παρθένον ἀμόλυτον, /
 εἰς πόλιν τῆς Γαλιλαίας
 Ναζαρέτ, / εὐαγγελίσασθαι
 αὐτῇ τοῦ ξένου τρόπου τὴν
 σύλληψιν. / Ἄπεστάλη
δοῦλος ἀσώματος / πρὸς
τὴν ἔμψυχον πύλην καὶ
 πύλην νοεράν, / μηνύσαι
Δεσποτικῆς παρουσίας τὴν
 συγκατάβασιν. / Ἄπεστάλη
στρατιώτης οὐράνιος, / πρὸς
τὸ ἄχραντον τῆς δόξης
παλάτιον, / προετοιμάσαι τῷ
 Κτίστη κατοικίαν ἄληκτον /
 καὶ προσελθὼν πρὸς αὐτὴν
 ἐκραύγαξε. / Χαῖρε, θρόνε
πυρίμορφε / τῶν τετρα-
 μόρφων ὑπερενδοξότερα. /
Χαῖρε, καθέδρα βασιλική
οὐράνιε. / Χαῖρε, ὄρος
ἀλατόμητον, / δοχεῖον
πατέντιμον, / ἐν σοὶ γὰρ πάν
τὸ πλήρωμα κατώκησε /
 τῆς θεότητος σωματικῶς, /
 εὐδοκία Πατρὸς αἰδίου / καὶ
 συνεργεία τοῦ Παναγίου
 Πνεύματος. / Χαῖρε, κεχαρι-
τωμένη, / ὁ Κύριος μετὰ σοῦ.

*Γομιλία Ζλατοуста*¹¹⁴

Τῷ μηνὶ τῷ ἔκτω, φησὶν,
ἀπεστάλη ὁ ἄγγελος Γαβριήλ
 ὑπὸ τοῦ Θεοῦ πρὸς παρθέ-
 νον μεμνηστευμένην ἀνδρί.
 (...) ἀπεστάλη Γαβριήλ πρὸς
τὸ ἔμψυχον τοῦ βασιλέως τῶν
 ἀγγέλων παλάτιον. (...) ἀπεστάλη
δοῦλος ἀσώματος
πρὸς παρθένον ἀμόλυτον.
 (...) ἀπεστάλη στρατιώτης,
 βοῶν τὸ τοῦ βασιλέως μυσ-
 τήριον. (...) ἔδει προοδο-
 ποιῆσαι τὸν μηνυτὴν τῆς
Δεσποτικῆς παρουσίας. (...) ἄπελθε
πρὸς τὴν ἔμψυχον
πύλην (...) μήνυσον αὐτῇ τῆς
 ἐμῆς παρουσίας τὸν ὄμβρον.
 (...) Εἶτα νόμισον, Δέσποτα,
 ἐκεῖ ὄφθης τῷ πατριάρχῃ ἐν
 τῇ παροδίῳ σκηνῇ, καὶ
 παρέδραμες ὁ τὰ πάντα
πληρῶν. (...) Ὁ θρόνος σου
 φλέγεται τῇ αἴγλῃ περιλαμ-
 πόμενος (...) Χαῖρε, κεχαρι-
τωμένη, / ὁ Κύριος μετὰ σοῦ.

Итак, гомилия настолько привлекла внимание Кассии, что она цитирует ее в своей стихире очень обильно и практически дословно. Интересно и то, что ее «диалог» с Феофилом находится в гомилиии очень вскоре после заключительной фразы-цитаты в стихире:

Χαῖρε, κεχαριτωμένη, / ὁ Κύριος μετὰ σοῦ. Οὐκ ἔτι ὁ διάβολος
 κατὰ σοῦ· ὄπου γάρ τὸ πρῶτον ἔτρωσεν ὁ πολέμιος, ἐκεῖ τὴν
 ἔμπλαστρον ὁ ἱατρὸς ἐπιτίθησιν· ὅθεν τὴν ἀρχὴν τῆς ἐξόδου ὁ

¹¹³ Привожу текст стихир по изданию: A. TRIPOLITIS, *Kassia: the Legend, the Woman, and her Work* (New York—London, 1992) 46.

¹¹⁴ PG 50. Col. 793–795.

θάνατος ἔσχεν, ἐκεῖθεν ἡ ζωὴ τὴν εἴσοδον τῆς ζωῆς ἐτεκτήτατο.
 Διὰ γυναικὸς ἐρύει τὰ φαῦλα, διὰ γυναικὸς πληγάζει τὰ κρείττονα.
 Χαῖρε, κεχαριστομένη...¹¹⁵

Конечно, можно вообразить, что автору утраченного жития Кассии, использованного Логофетом,¹¹⁶ была известна эта стихира Кассии, что он тоже видел эти параллели и, составляя свою хронику, нарочно взял «диалог» именно из той самой гомилии Златоуста, учитывая в придачу и то, что отрывок из нее приводится у патриарха Никифора и, значит, является одним из святоотеческих текстов, бравшихся на вооружение иконопочитателями против иконоборцев... Но это значило бы приписать монахиням IX века слишком большую литературную изобретательность; да им и незачем было бы придумывать столь хитроумный сюжет, чтобы возвеличить святую и унижить императора-иконоборца — это можно было бы сделать и более стандартными способами, обычно использовавшимися в агиографии и хрониках.

Кроме того, если выбор невест и диалог между Феофилом и Кассией действительно состоялся в том виде, как он передан Логофетом, то интерес Кассии к гомилии Златоуста вполне объясним еще и психологическими мотивами. Но что мог означать этот диалог?

«Почти невозможно предположить, что Феофил использовал цитату, чтобы представить важную для него идею, зная, что следующая строчка представляет собой противоположность этой идеи, таким образом лишая ее какой-либо силы», — пишет Д. Афиногенов.¹¹⁷ Действительно, вряд ли будущий император пытался затеять со своей избранницей богословский диспут — это было бы в данных обстоятельствах не слишком уместно.¹¹⁸ Но возможно, Феофил хотел испытать ум или смирение

¹¹⁵ PG 50. Col. 795.

¹¹⁶ Д. Афиногенов считает, что «автор этого жития должен был писать много лет спустя после смерти своей героини», обосновывая это утверждение тем, что Кассия по возрасту не могла попасть на выбор невест для Феофила в 830 г. Однако выше было показано, что это не так, и предположение Афиногенова и Казачкова, что «гипотетический агиограф сочинил весь эпизод от начала до конца, исходя из чисто хронологического соседства Кассии и Феофила» (Афиногенов, Казачков, Легенда о Феофиле...), оказывается ничем не обоснованным.

¹¹⁷ АФИНОГЕНОВ, The Brid-Show of Theophilos... 11.

¹¹⁸ Так же неуместно выглядела бы и попытка Кассии обличить иконоборчество Феофила, ведь в 821 г. иконопочитатели, напротив, очень надеялись, что Михаил II изменит церковную политику своего предшественника Льва V, и св. Феодор Студит, наставник Кассии, написал Михаилу восторженное письмо. Что касается самого Феофила, то, как замечает Д. Афиногенов, во время женитьбы императора вряд ли интересовали религиозные воззрения его избранницы (Афиногенов, «Повесть о прощении императора Феофила»... 54–55), ведь в итоге он все равно женился на девушке из семьи иконопочитателей.

девушки? Почему же тогда после ее ответа он, как выразился Логофет, «уязвленный ее словами в самое сердце, оставил ее, а яблоко отдал Феодоре»? Если бы Феофил пытал Кассию на ум, то увидев, что она свободно продолжила цитату, он должен был бы, скорее, восхититься, что его избранница оказалась не только красива, но и умна; уязвиться из-за этого обстоятельства он мог бы только в случае, если бы сам был не очень образован; но о Феофиле известно совершенно противоположное.¹¹⁹ А если бы это была с его стороны проверка на смирение, то «дерзость» девушки его бы, скорее, рассердила. В любом случае такое выражение, как «уязвлен в самое сердце», тут не очень подходит.

Можно, однако, предположить другое объяснение. Феофил действительно полюбил Кассию, но, быть может, по ее взгляду или еще каким-то образом заподозрил, что она не очень-то хочет становиться его женой. На выбор невест Кассия, уже решившая к тому времени стать в будущем монахиней, как это видно из двух обращенных к ней писем Феодора Студита,¹²⁰ могла попасть вообще против своей воли — подобное предположение когда-то уже было высказано С. Аверинцевым.¹²¹

¹¹⁹ Поэтому мне представляется несостоятельным предположение, что в своих стихах, направленных против глупцов, в т. ч. в выражении $\nu\epsilon\omicron\varsigma\ \delta\ \mu\omicron\rho\omicron\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\omicron\tau\eta\varsigma$ (KRUMBACHER, *Kasia*... 362, ст. 140; TRIPOLITIS, *Kassia*... 124, ст. 11), Кассия имела в виду Феофила, «не оценившего» ее ум.

¹²⁰ Theodori Studitae Epistulae / Ed. G. FATOUROS Vol. 1–2 (Berlin—New York, 1992) (Corpus Fontium Historiae Byzantinae, Series Berolinensis 31) Epp. 217, 370. Приводятся также у Rosnow, *Studien zu der Person*... 20–21. Рус. пер.: Преподобный ФЕОДОР Студит, *Послания* (М., 2003) Кн. 2. 360, 470–472. Г. Фатурос придерживается датировки выбора невест 821 годом, но считает, что Кассия, к которой писал св. Феодор, и одноименная песнописица все равно не идентичны, поскольку адресат писем к 821 г. была уже «послушницей», в то время как будущая песнописица ушла в монастырь только после выбора невест (Theodori Studitae Epistulae... 365, fn. 719). Однако этот довод не убедителен: из писем св. Феодора к Кассии мы узнаем только, что она в царствование Льва V Армянина решила принять монашество, когда гонения прекратятся; а $\nu\acute{\omicron}\mu\phi\eta\ \chi\rho\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\ \gamma\acute{\epsilon}\gamma\omicron\nu\omicron\varsigma$ (Ep. 217), судя по контексту, обозначает не какой-то формальный статус, а само решение стать монахиней, принятое еще в детстве, как явствует из того же письма. Содержание писем св. Феодора согласуется и с хронологией: Кассия могла принять постриг как раз уже после выбора невест, поскольку с воцарением Михаила II гонения действительно прекратились.

¹²¹ «Если доверять рассказу хронистов о смотре красавиц (...), едва ли возможно найти абсолютное противоречие между появлением Кассии среди невест Феофила и ее ранним решением (принятым еще до этого) девствовать во имя Бога», ведь посланцы императрицы, подбиравшие кандидаток для выбора невест, «едва ли осведомлялись о жизненных планах собираемых ими девушек» (С. С. АВЕРИНЦЕВ, [рец. на:] I. Rochow, *Studien zu der Person, den Werken und dem Nachleben der Dichterin Kassia* (Berlin, 1967) // *BB* 32 (1971) 249–251; цит. 250, прим. 8.

Итак, Феофил, заметив что-то «не то», решил, быть может, узнать мысли Кассии, причем так, чтобы окружающие не поняли его истинных намерений, — и процитировал фразу про зло, происшедшее от женщины, как бы вопрошая: «Ты согласна стать моей женой?» Ответ Кассии — возражение — означал: «Нет».¹²² Именно потому Феофил и отошел от нее, «уязвленный в самое сердце».

Смысл диалога мог быть даже еще более символическим, с учетом того, насколько вообще византийцы любили всякий символизм, сочетания разных смыслов и т. п. Феофил сказал: «Чрез женщину излилось зло на землю», — и здесь имеется в виду Ева, первая вкусившая запретный плод и ставшая виновницей изгнания из рая и всех дальнейших людских бедствий, трудов и скорбей — в том числе и супружества в том виде, в котором мы его знаем. Кассия же, продолжив цитату, сказала: «Но и чрез женщину бьют источники лучшего», — имея в виду Божию Матерь, покровительницу девства; «лучшее», проистекшее от Нее, было — спасение и нетление, Христос, призвавший всех желающих совершенства к девственному житию. Таким образом, диалог Кассии и Феофила, вольно или невольно, действительно получил некоторый богословский смысл — но вовсе не связанный с иконопочитанием.

Д. Афиногенов и Ю. Казачков пишут: «...весь сюжет рассказа, его драматическое напряжение сохраняется только в том случае, если ответ Кассии звучит совершенно неожиданно для императора. Собственно говоря, наши источники употребляют достаточно сильные выражения, чтобы охарактеризовать изумление (...). Вряд ли такая реакция могла быть вызвана тем, что девушка всего лишь продолжила известную императору цитату. Наконец, как византийские, так и современные историки едины в том, что царственный жених был поражен именно находчивостью Кассии, а не ее эрудицией».¹²³ Однако, если принять версию, что Феофил хотел не испытать Кассию на ум или скромность, а именно узнать по ее ответу, согласна ли она пойти за него замуж — видимо, он был, что называется, благородным человеком и не хотел ее брать за себя против воли, — то реакция его как раз понятна. Это тем более вероятно, что «испытывать на скромность» вторую кандидатку — Феодору — Феофил не стал, а просто протянул ей яблоко — не потому ли, что видел, что Феодора как раз хочет стать его женой?¹²⁴ Из источников известно, что Феодора любила своего мужа — и очень вероятно, что она

¹²² Предположение, что Кассия нарочно ответила таким образом, чтобы «не понравиться» Феофилу, потому что с детства избрала монашескую стезю, высказал еще П. Петридис: S. PÉTRIDÈS, *Cassia* // *ROC* 7 (1902) 218–244; см. 227.

¹²³ Афиногенов, Казачков, *Легенда о Феофиле...*

¹²⁴ Что согласуется и со сказанным о выборе невест в «Житии Феодоры».

полюбила его сразу же, как только увидела на выборе невест, и Феофил это понял.¹²⁵

Конечно, подобные «психологические» объяснения всегда гипотетичны и не могут иметь силы доказательства. Они могут только предлагаться в качестве возможного, более или менее правдоподобного, объяснения описанных хронистами фактов; но вряд ли с помощью таких гипотез можно доказать, что те или иные истории, известные нам из хроник, не могли иметь место в действительности. Как было показано выше, дав тем же фактам иное психологическое истолкование, можно с таким же успехом утверждать, что они вполне могли произойти на самом деле. Во всяком случае, здесь мы не выходим из области догадок. Почти в любом эпизоде, описываемом византийскими хронистами, можно увидеть столь богатую психологическую и символическую подоплеку, что отметить достоверность тех или иных событий, основываясь на субъективных предположениях относительно того, что должны были думать или чувствовать те или иные исторические персонажи, — не слишком разумно.

¹²⁵ Интересно, что в легендах о Кассии и в ее житиях новейшего времени говорится, что Феофил всю жизнь не мог забыть Кассию и даже пригласил перед смертью во дворец на последнее свидание (см., напр.: Монахиня-химнограф света преподобна Касиана (Асеновград, 1996) 14–15), а знаменитая стихира Кассии про блудницу «Господи, яже во многия грехи впадшая жена...» является совместным творением игуменьи и императора (см.: Σ. ΕΥΣΤΡΑΤΙΑΔΗΣ, Κασσιανή ἡ μελωδός // *Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος* 31 (1932) 94; Γ. Ι. ΠΑΠΑΔΟΠΟΥΛΟΣ, Σύμβολαι εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς παρ' ἡμῖν ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς (Ἐν Ἀθήναις, 1890) 251–252; Rosnow, *Studien zu der Person...* 77–81). Д. Афиногенов описывает супружеские отношения Феофила и Феодоры почти как идеальные (Афиногенов, «Повесть о прощении императора Феофила»... 56), но хроники, на мой взгляд, говорят о другом. Не считая возникших со временем трений из-за вопроса об иконопочитании, супруги, кажется, вообще довольно сильно расходились во вкусах: в то время как император, «эстет и романтик», любил церковное пение, сочинял и клал на музыку стихиры — между прочим, как и Кассия (см.: ПФ III, 16; *ThCont* 106:17–18), — был «любителем красивых вещей» (*LeoGram* 215:12), занимался строительством, ценил образование и образованных людей, — императрица... занималась торговлей; и когда Феофил уличил в этом супругу, он публично жаловался на ее поведение перед придворными, а ей даже пригрозил смертью в случае, если подобное повторится (см.: ПФ III, 4; *ThCont* 88:10–89:14). И действительно, вряд ли могло быть много общего между тем, кто получил блестящее столичное образование, и той, которая «была воспитана традиционно — “веретено и прялка”»: прясть нитки и ткать полотно — подобающие занятия для девицы. Чему же еще можно было научиться в Эвессе?» (HERRIN, *Women in Purple...* 189); нельзя не отметить, что Феодора должна была в этом отношении составлять разительный контраст с Кассией — вероятно, уроженкой столицы, чьим умом и словом восхищался св. Феодор Студит (см. *Theodori Studitae Epistulae...* Ep. 370).

Итак, на основании проведенного анализа, можно сделать следующие выводы.

1) Несмотря на то, что описания «конкурсах невест» для византийских императоров в IX в. содержат в себе определенные символические черты и литературные топосы, это не может служить доказательством того, что за ними не стоит исторической реальности; но даже напротив — упоминание их в определенном контексте может являться аргументом в пользу их историчности. По-видимому, появление «конкурсов невест» в Византии не в последнюю очередь было связано с определенным символизмом, проявившимся в иконоборческую эпоху.

2) Как показывает анализ источников и нумизматических данных, выбор невест для императора Феофила состоялся не в 830-м, а в 821 г. В связи с этим хронология событий семейной жизни Феофила, предложенная В. Тредгольдом, должна быть радикально пересмотрена.

3) Тот факт, что фразы, которыми обменялись Феофил и Кассия на выборе невест, взяты из гомилии св. Иоанна Златоуста на Благовещение, не доказывает, что вся история является литературной выдумкой; напротив, то, что Д. Афиногенов и Ю. Казачков сочли «разоблачением», скорее, может явиться подтверждением того, что диалог действительно имел место, — мы находим параллели с упомянутой гомилией в одной из стихир, написанных Кассией, а сама гомилия в IX веке была хорошо известна византийцам, ввиду ее использования св. патриархом Никифором для защиты иконопочитания.

4) Как показывает пример со «Словом на Благовещение», при исследовании византийских источников нельзя исключать из поля зрения гимнографию, ибо это может привести к досадным недосмотрам и ошибкам, а то и вовсе исказить реконструируемую картину действительности.

SUMMARY

Tatiana A. Senina (Nun Kassia)
St-Petersbourg

DIALOGUE BETWEEN THEOPHILUS AND KASSIA: LITERARY FICTION OR REALITY?

The paper deals with the story of the bride-show for the Emperor Theophilus and the possible role in this story of the hymnographer Kassia. L. Rydén's opinion that such bride-shows for the royal sons in the 9th century are fictions is revised. It is most likely that such stories told by the chroniclers have some real facts behind them. In this connection, a new hypothesis of the reasons of composition of the *Vita of Philarete the Merciful* is put forward. The chronology of the life of the Emperor Theophilus in general and the date of his bride-show in particular are revised as well. It was shown that the dates of his life proposed by W. Treadgold

are accepted by many scholars rather uncritically while, in fact, they are far from being well-founded. According to the present analysis of the sources, including the numismatic data and the hymnography, Theophilus' bride-show is to be dated by 821 and Kassia's participation is to be admitted. The fact that dialogue between Theophilus and Kassia, as reported by Symeon Logothetus, contains a *verbatim* quote from the Homily on Annunciation by John Chrysostome, is not an argument to take the whole story as fiction (*pace* D. Afinogenov and Yu. Kazachkov) because this homily was widely known in this time and is quoted, for instance, in an anti-iconoclast treatise of the Patriarch Nicephorus and, that is most important, by Kassia herself in her *sticheira* on Annunciation. Finally, it was attempted to reveal the meaning of the interchange between Theophilus and Kassia that was traditionally interpreted as an attempt of an orthodox girl to hurt the iconoclastic emperor.